

Михаил Ланской

Сага об Анакреоне и Ньяках

Михаил Ланской

Сага об Анакреоне и ньяках

«Автор»

2026

Ланской М.

Сага об Анакреоне и ньяках / М. Ланской — «Автор», 2026

В эпоху распада Первой Галактической Империи планета Анакреон стала домом для ньяков — гигантских летающих хищников, ставших символом заката цивилизации. Это искусственно выведенные из нелетающих птиц существа, созданные для развлечения имперской знати и превратившиеся в стихийное бедствие. Внешне ньяк — это трехтонная туша лиловой плоти без головы, с двумя фасетчатыми глазами и шестью конечностями, превращающимися в крылья размахом до семидесяти метров. Его инфразвуковой рев останавливает сердце человека, а кислотная кровь растворяет сталь. С падением Империи охота на них легла в основу государственности Королевства Анакреон, став способом легитимизации власти королей. Однако стаи уничтожили сельское хозяйство планеты. Проблема была решена лишь Первым Фондом, используя методы психоистории и скрытую технологическую экспансию.

© Ланской М., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	7
Конец ознакомительного фрагмента.	8

Михаил Ланской

Сага об Анакреоне и ньяках

Глава 1

В ту эпоху, когда математик Хари Селдон на Транторе складывал воедино переменные психоистории, Первая Галактическая Империя казалась незыблемой константой. Она существовала уже двенадцать тысячелетий и охватывала все двадцать пять миллионов обитаемых миров от края до края Млечного Пути. Ее административный центр — планета-город Трантор — стал абсолютным выражением человеческого могущества: сорок миллиардов человек, живущих в стальном коконе под куполами, управляли квадриллионами подданных через безупречную бюрократическую машину.

Однако за фасадом вечности скрывался фатальный изъян. Империя стала жертвой собственной специализации. Трантор превратился в гигантский мозг, полностью зависящий от внешних поставок продовольствия с двадцати сельскохозяйственных миров. Любой сбой в логистике означал голод для сорока миллиардов. Анакреон же в те дни был полной противоположностью столицы. Он являлся богатейшей префектурой Периферии, индустриальным сердцем сектора. Его флоты охраняли границы, а вице-королевский двор по роскоши соперничал с тренторианским. В ту пору охота на ньяков была лишь экзотическим развлечением для адмиралов, прибывающих из центра, способом доказать свое превосходство над гравитацией дикой планеты.

Математика Сэлдона доказала неизбежность падения этого колосса с вероятностью более девяноста двух процентов. Распад начался не со взрывов сверхновых, а с атрофии связей. По мере того как центральное правительство слабело под тяжестью собственного веса, аристократические фамилии на местах переставали отправлять налоги на Трантор. Они начали оставлять собранные средства у себя «для местной обороны».

Анакреон первым ощутил вкус этой независимости. Когда поставки кобальта и редких металлов с центральных заводов прекратились, его атомные электростанции стали выходить из строя одна за другой. Знания, позволявшие строить крейсеры, превратились в ритуальную магию. Инженеры вымерли или деградировали до касты неприкасаемых техников, которые знали, на какие рычаги нажимать, но не понимали принципов термодинамики.

Именно здесь, в технологическом вакууме, кроется ответ на вопрос о подчиненных территориях. Анакреон никогда не правил своими соседями напрямую через демократические институты или назначаемых губернаторов. Его власть всегда держалась на имперском флоте. Когда корабли перестали летать, а экипажи разучились чинить гипердвигатели, вакуум власти заполнился феодальной логикой. Подчиненные миры — Смирно, Лорис, Калган (в тот период еще не ставший великим) — оказались отрезаны от метрополии. Чтобы удержать их от бунта и защитить собственные рудники, анакреонские генералы сделали то единственное, что умели делать в условиях распадающейся иерархии: они объявили эти территории своей личной собственностью.

Так богатая префектура превратилась в Королевскую державу Анакреон. Титул «префект» сменился на «король», потому что старая терминология требовала лояльности Императору, которого никто не видел столетиями. Бывшие военные коменданты планет-сателлитов стали герцогами и баронами. Их зависимость от Анакреона носила сугубо утилитарный характер: только на Анакреоне чудом сохранилась горстка инженеров, способных обслуживать последние оставшиеся в строю имперские крейсеры. Соседи получали защиту от пиратов в обмен на зерно и руду, превращаясь в классические феодальные домены.

Слава Анакреона ушла в небытие вместе с Империей. Дворец вице-короля обратился в руины, продуваемые всеми ветрами Периферии. Единственным крылом, где теплилась жизнь, отреставрированном мастерами Установления, правила новая династия королей. И чтобы народ верил в легитимность этих самозванцев, правящих кучкой ржавого металла, им потребовался суррогат божественного права. Охота на ньяков перестала быть спортом скучающих императоров. Она стала жестоким государственным экзаменом. Король, неспособный увернуться от когтистой твари в глайдере и всадить иглу ей под крыло, считался недостойным управлять даже герцогством, ибо он не мог обеспечить своим людям безопасность в мире, где технологии обратились против человека.

Глава 2

В ту пору, когда Анакреон откололся от мертвеющего тела Империи, его биосфера уже давно не была первозданной. Ньяки не были коренными обитателями планеты. Они представляли собой классический пример имперской экологической безответственности — продукт тысячелетий генетических манипуляций и бесконтрольного терраформирования.

Согласно архивам Академии, предками ньяков считались нелетающие болотные птицы с одной из аграрных планет Внутреннего Кольца. В эпоху расцвета Империи их модифицировали для развлечения знати на сотнях курортных миров: им искусственно увеличили массу тела до нескольких тонн, перестроили дыхательную систему для извлечения кислорода из разреженной атмосферы высокогорий и наделили рудиментарными антигравитационными железами, позволявшими тушам весом в три слона взмывать в восходящих потоках воздуха. Когда Империя начала рушиться, транспортные связи прервались. Генетически нестабильные создания вырвались из вольеров на десятках планет. На Анакреоне они нашли идеальный ареал обитания — бесконечные пустоши Самии и разрушенные экваториальные архипелаги, где не осталось естественных хищников.

Внешний вид ньяка вызывал у пилотов глайдеров смесь отвращения и суеверного ужаса. Это было существо-парадокс, насмешка над законами аэродинамики. Его тело представляло собой бесформенный бурдюк бледно-лиловой плоти, покрытый редкими пучками жесткого волоса, более похожего на стальную проволоку. Головы в привычном понимании не существовало — лишь два огромных фасетчатых глаза размером с обеденную тарелку, горевших тусклым янтарем, располагались по бокам массивного торса. Под ними зияла круглая пасть-воронка, усаженная тремя рядами плоских костяных пластин, способных перемалывать базальтовую породу вместе с местной флорой.

Но самым чудовищным элементом анатомии были конечности. У ньяка имелось шесть конечностей, которые он использовал сообразно обстоятельствам. Чаще всего он передвигался на четырех мускулистых, непропорционально коротких лапах, оканчивающихся ороговевшими лопатообразными ступнями. Однако передняя пара могла вытягиваться в грудную клетку и трансформироваться. Во время полета эти лапы разворачивались кожистыми мембранами, превращаясь в широкие треугольные крылья. При атаке же когти на этих конечностях выдвигались на добрых полтора метра, становясь острее любого хирургического скальпеля.

Размах крыльев взрослого самца достигал семидесяти метров — достаточно, чтобы накрыть тенью средний имперский шаттл. Но летал ньяк скверно. Он был слишком тяжел для собственных костей, полых лишь отчасти. Полет давался ему ценой колоссальных усилий; существо постоянно балансировало на грани падения, используя встречный ветер как опору. Именно эта медлительность и делала охоту королевским спортом. Ньяк не мог убежать. Он мог только сражаться. Почувствовав вибрацию глайдера, монстр прекращал парить. Из его глотки вырывался инфразвуковой рев, от которого у людей лопались барабанные перепонки, а кожа покрывалась мурашками, после чего птица складывала крылья и падала вниз камнем, выставив вперед серповидные лезвия передних лап. Король Леопольд I называл это «честью поединка», но психоистория знала правду: для деградирующего королевства победа над трехтонным порождением мертвого мира была

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.